

УДК 1 (091)

С.В. Чугунов, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: fsn-sntu @ gmail.com***ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ XIX - XX ВВ. ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Рассматривается вопрос о роли интеллигенции в отечественной философской мысли 19-20 веков.

Интеллигенция – слой образованных и мыслящих людей, выполняющих функции, которые предполагают высокую степень развития интеллекта и профессиональную степень образованности. Это определение было дано в 1866 году, русским писателем П.Д. Боборыкиным, назвавшим интеллигенцию «высшим образованным слоем общества». Понятие, достаточно быстро, вошло в русскую и западноевропейскую социально-философскую мысль. В отечественной литературе конца 19 века, преобладающей тенденцией, был подход к идеализации интеллигенции, как активной силы духовного развития, как носительницы истинного знания.

Особое место роли интеллигенции в социальном процессе, отводили народники. Народничество – общественное движение второй трети 19–начала 20 века, рассматривало интеллигенцию, как внесословное общественное образование, служащее идеалам правды, справедливости, способное к нравственному совершенствованию. Интеллигент должен развивать в себе способность к критическому мышлению, как основы восприятия чувства собственного достоинства и неприязни к различным формам деспотизма.

Один из лидеров народничества, П.Н. Лавров, утверждал, что критически настроенные представители образованного слоя общества, определяют критерии, пути и цели общественного развития. Под воздействием «потребностей развития» и личных интересов, история движется вперед, и в этом смысле, субъективные устремления порождают объективные процессы.

Понятие «критически мыслящая личность» было предложено немецким идеологом левого гегельянства Бруно Бауэром. Задача «критических личностей» заключается в критике всех общественных институтов, препятствующих развитию свободной мысли и социальным преобразованиям: церкви, правительства и деятельности государственных чиновников. Критически настроенные личности, обладающие высокой степенью самосознания, по мнению Бауэра, являются творцами истории. Народная масса же, отягощенная материальными заботами и поиском средств к существованию, пассивна и безвольна. В результате этого, активная «критическая личность» и должна взять на себя роль выразителя надежд общества и борца за ее осуществление.

Эти идеи и стали основой социально-философской позиции народников. Общественный прогресс возможен только в том случае, когда интересы большинства совпадают с убеждениями «наиболее развитого меньшинства».

П.Н. Лавров был убежден в том, что критически относясь к отжившим социальным формам, не соответствующим человеческим мечтам и потребностям, действуя в направлении их обновления, «критически-мыслящие личности» изменят историю, превратят культуру в цивилизацию.

Говоря от лица этих личностей, он писал: «Я сниму с себя ответственность за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем, если я развитый человек, то я обязан это сделать, и эта обязанность для меня весьма легка, так как совпадает именно с тем, что составляет для меня наслаждение: отыскивая и распространяя более истин, уясняя себе справедливейший строй общества и стремясь воплотить его, я увеличиваю собственное наслаждение и в то же время делаю все, что могу, для страждущего большинства в настоящем и будущем. Итак, мое дело ограничивается одним простым правилом: живи сообразно тому идеалу, который ты сам себе поставил как идеал развитого человека!» [1, с. 87].

Михайловский К.Н., будучи приверженцем этико-социологической школы, стал продолжателем, так называемого субъективного метода Лаврова. Не отрицая закономерностей общественного развития, роли экономических факторов, Михайловский подчеркивал, однако, активную роль личности в истории, ее моральную позицию. По мнению лидера народников, личность со всеми своими мыслями и чувствами, становится действующей силой истории на свой страх и риск. В истории человечества личность всегда боролась за свои идеалы: религиозные, политические, нравственные и научные. Без веры в идеалы, как считает Михайловский, личность не в состоянии установить выбор между добром и злом, между стремлением вперед и страхом перед возможными последствиями этого стремления. Массы верят в старые идеалы, устаревшие догмы и каноны, навязанные ей бытовой жизнью, деспотическим давлением со стороны реакционных кругов. Она, только тогда, осознает необходимость перемен, когда критически настроенное меньшинство образует в ней отрицательное отношение к существующему порядку.

При самодержавном деспотизме, считали лидеры народников, критически мыслящие личности должны объединиться, выступив, как один «сплоченный коллективный организм». Цель их деятельности – социалистическое общество, средство – партия, состоящая из людей, готовых ради достижения цели, пожертвовать всем.

Наиболее ярко, эту идею народников высказал П.Н.Ткачев. По его мнению, радикально настроенная часть интеллигенции должна использовать благоприятную для нее социальную ситуацию: буржуазия слаба, пролетариат малочислен, крестьянство пассивно, а самодержавие «висит в воздухе». Ткачев, считающий себя практиком революции, призывал сознательное и образованное меньшинство организовывать дисциплинированную и централизованную партию, цель которой захват власти. Власть необходима для того, чтобы пользоваться авторитетом для большинства. Народ еще не готов строить свою жизнь по-новому, он не до конца понимает и осознает новые идеалы, которые несет ему социалистическое общество. Поэтому интеллигенция, в обязательном порядке, должна взять на себя роль «застрельщика революции», силы, приводящей в действие социальные и политические реформы.

Надеждам народников не суждено было сбыться, ибо русская интеллигенция в тот период не пользовалась любовью у народа, да и представляла собой, по меткому определению того же Михайловского «немного дворянства, немного поповства, немного вольнодумства, немного холопства». При всей своей готовности следовать идеалам равенства, при всем проявлении народолюбия, интеллигенция была не в состоянии преодолеть тот факт, что в действительности, она принадлежит к образованному а, следовательно, к привилегированному слою общества.

Идеализация роли интеллигенции, ее социальных функций было подвергнуто критике Н.Я. Данилевским и, в особенности К.Н. Леонтьевым.

В какой-то мере, отрицательное отношение к интеллигенции Данилевского, является следствием его теории культурно-исторических типов. История – это чередование, по большей мере сосуществование, самобытных, эквивалентных по ценности, больших и малых культур. В основе каждой из них лежит определенный принцип. Еврейская культура опирается на религиозные традиции, древнегреческая связана с созданием художественных ценностей, древне-римская, в своей основе, имеет систему юридических прав и законов и следует им. Энергетическим центром каждого культурно-исторического типа является национальное начало, способное к развитию, благодаря влиянию на него божественной энергии.

Образованные, мыслящие люди, нередко не осознают, что даже наука у разных народов не одна и та же. Каждый народ, по мнению Данилевского, по своему, видит мир и отображает его в произведениях культуры. Ошибка леворадикальной части интеллигенции заключается в стремлении создать «общую теорию» устройства гражданского и политического обществ. Это стремление, в конечном итоге, может привести к тому, что один народ может стать «критерием истины» для развития других народов. Ни существует и не может существовать политического и духовного идеалов, пригодного для всех народов и во все времена. Поэтому, делает вывод Данилевский, любая попытка нигилизма и леворадикальной части интеллигенции создавать теории, основанные на подражании западным взглядам, обречены на провал.

К.Н. Леонтьев отрицал идею сближения интеллигенции с народом, как это обычно понимали в леворадикальной традиции. Такое сближение, по его мнению, неизбежно приведет к господству уравнилельных тенденций, независимо от того, какие взгляды или принципы лежат в его основе. Пока наш народ живет в наивной неспросвещенности, защищает свой, сложившейся веками уклад жизни, он не нуждается в «западном просвещении», которое стремится ему навязать интеллигенция. Сохранение сословных привилегий являлось своеобразным препятствием, ограждающим русскую нацию от влияния Запада, так как, в этих условиях, как считал мыслитель, российское дворянство не могло духовно и религиозно вредить народу. Русские интеллигенты, по определению Леонтьева, самые наивные и доверчивые люди, потому, что они считают новым все то, что имеет западное происхождение. Вместо того чтобы давать народу образец просвещенного патриотического «русизма», образованный слой общества показывает заразительный слой западничества. Поэтому, делает вывод Леонтьев, тесное общение народа и интеллигенции опасно и даже губительно для «крепости государства». Народ не любит интеллигенцию, а раз так, то не народ обязан подняться до уровня интеллигентного миропонимания и отношения, а наоборот, образовательный слой общества должен, наконец, осознать народные идеалы и чаяния. Беда интеллигенции заключается в том, что она до конца не понимает, чего она хочет и к чему надо стремиться. Главной и важной задачей, в это смутное время, полагал мыслитель, является необходимость укрепления власти.

Двадцатый век внес новые коррективы в анализ роли интеллигенции в социальном процессе. Народничество, как идеология постепенно изживало себя. Ему на смену пришел русский марксизм, ориентированный на капиталистический путь развития и решительно отрицающий традиции и идеалы народников. Русские марксисты подчеркивали зависимость интеллигенции от интересов и потребностей основных классов общества и призывали ее стать идеологом самого передового класса этого времени.

В то же время явно начала формироваться тенденция, которая не могла не волновать представителей отечественной социально-философской мысли. Религиозная философия и интеллигенция – духовные антиподы. Первая представляет собой целый ряд направлений философской мысли, связанных с признанием бога в качестве абсолютного основания природных и социальных процессов. Интеллигенция, как продукт Просвещения, проявляла недоверие к метафизическим проблемам и ценностям. Беда образовательного слоя заключалась в нежелании принять духовные и нравственные ценности отечественной философии, с одной стороны, и понять действительные нужды и интересы народа, с другой стороны.

В марте 1909 года, по инициативе М.О.Гершензона выходит сборник статей о русской интеллигенции «Вехи». Этот сборник, на наш взгляд носил не столько философский, сколько мировоззренческий характер. Авторы сборника (М.Гершензон, С.Булгаков, Н.Бердяев, А.Изгоев, Б.Кистяковский, П.Струве, С.Франк) видели свою задачу в том, чтобы повлиять на умонастроение интеллигенции, предложить ей новые духовные, культурные и метафизические идеалы. Призывы «Вех» к переоценке пройденного пути, критика различных сторон жизни российского общества, по своей сути, было подчинено единой цели – идеологически сплотить различающихся по своим философским и социальным взглядам авторов сборника.

Внешняя сторона сборника — это революция 1905 года. По мнению большинства авторов, эта революция была интеллигентской. Как отмечал С.Н.Булгаков: «Сами интеллигенты этого, конечно, не признают – на то они и интеллигенты – и будут, каждый в соответствии своему катехизису, называть той или иной класс в качестве единственного двигателя революции. Не оспаривая того, что без целой совокупности исторических обстоятельств (в ряду которых первое место занимает, конечно, несчастная война) и без наличности весьма серьезных жизненных интересов разных общественных классов и групп не удалось бы их сдвинуть с места и вовлечь в состояние брожения, мы все таки настаиваем, что весь идейный багаж, все духовное оборудование, вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами, был дан революции интеллигенцией» [2, с. 32].

Предметом анализа и критики «Вех» стала русская интеллигенция, а точнее, ее революционная часть. Само понятие интеллигенции было у авторов довольно неопределенным и, скорее, выступало, как синоним более широких понятий: «образованный класс» и «духовный слой общества». В сборнике была дана оценка интеллигентского мировоззрения, сложившегося в начале 20 века. Интеллигентское мировоззрение было проанализировано с различных точек зрения – религиозной, философской, психологической, моральной и во всех этих отношениях вывод был неутешительным.

В сборнике предъявлялись различные обвинения в адрес русской интеллигенции и ее вины. Н.А.Бердяев обратил внимание на непонимание самоценности истины и соответственно самостоятельного значения философского и любого другого духовного опыта. Все это связано с тем, по его мнению, что над интеллигенцией, господствует «утилитарно-моральный критерий». В то же время, Бердяев признавал, что «...в русской философии есть черты, роднящие ее с русской интеллигенцией, – жажда целостного мирозерцания, органического слияния добра и зла, знания и веры» [2, с. 27].

Достаточно глубокая критика была дана Б.А.Кистяковским в его статье под названием «В защиту права». Кистяковский, как юрист по образованию, отмечал равнодушие к праву интеллигенции, всецело погруженной в решение моральных и политических задач. Причину этого он видит в отсутствии, какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа. Сознанию интеллигенции чужды такие стороны идеала правовой личности, как: личности, дисциплинированной правом и личности, наделенной всеми правами и свободно пользующейся ими. В резкости оценок «интеллигентской» идеологии Кистяковский не уступал своим соавторам, но, как юрист, избегал «метафизических» построений. В конечном итоге, он пришел к выводу, что развитие мирозерцания интеллигенции – это не «топтанье на месте», а, пусть медленный, но процесс усвоений общественностью правовой культуры.

М.О.Гершензон, в своей критике интеллигенции был более всех резок и категоричен. Он писал об интеллигенции, как «кучке искалеченных душ», духовно исцелять в России некого, ибо в России «личностей нет». Ни по своим внутренним качествам, ни по внешнему положению интеллигенция не могла победить деспотизм: ее поражение было предопределено. Автор статьи указывал: «...она не могла победить собственными силами, в этом виною не ее малочисленность, а самый характер ее психической силы, которая есть раздвоенность, то есть бессилие; а народ не мог поддержать, не смотря на соблазн общего интереса, потому что бессознательная ненависть к интеллигенции превозмогла в нем всякую корысть: это общий закон человеческой психики» [2, с. 88].

Результатом критики со стороны авторов сборника «Вехи» была модель психологии «среднего интеллигента». Этот слой дал многих талантливых личностей, культурных деятелей, но в то же время породил людей амбициозных, хвастливых, безнациональных, питающих свою же собственную притеснительницу – бюрократию. Авторы призывали образованное общество обратить внимание на проблемы развития духовной культуры, преодолеть партийную непримиримость и идеологический фанатизм.

Важное значение авторы сборника отводили возрождению духовной культуры. Культура понимается как совокупность высших духовных ценностей (религиозных, философских, этических), которые не могут быть отождествлены с материальными ценностями цивилизации, с бытом. С этой точки зрения были подвергнуты критике утилитарное понимание культуры и нигилизм – за их пренебрежительное отношение к богатствам национальной духовной культуры.

Фундаментальным элементом культуры, авторы «Вех», считали христианскую религию, распространяя ее сферу деятельности на все стороны жизнедеятельности общества. Бердяев, Булгаков, Франк, Струве, на различных примерах, показали функциональное искажение религиозных форм в идеях русских социалистов. Особой критике был подвергнут атеизм.

Атеизм, как и другие результаты просвещения, были заимствованы русской интеллигенцией с запада, и стал ее характерной чертой. Тем не менее, интеллигентский атеизм, никогда не был итогом сознательной и сложной работы ума и сердца. В русском атеизме, отмечает, например, Булгаков, более всего поражает догматизм и религиозное легкомыслие. Атеизм сознания интеллигенции – это вина ее воли, «смерть ее души».

Публикация сборника «Вехи» вызвала большой ряд откликов – радикалов, консерваторов, социалистов и т.д. Были проведены публичные лекции, диспуты, наиболее известной реакцией, стал сборник «Интеллигенция в России», который был опубликован в 1910 году.

Кадеты И.И. Петрушевич и Н.А. Гредескул назвали «Вехи» книгой «малодушных» авторов, лишенной позитивных предложений. Отчасти, такая оценка была оправданной, ибо критический анализ «веховцев» не носил конструктивный характер. Наиболее развернутую критику позиции авторов «Вех» дал в статье «Интеллигенция и историческая традиция» П.Н. Милюков.

Милюков определяет интеллигенцию, как часть образованного слоя общества, который проявляет инициативу и творчество. Он сравнивает понятия: «интеллигенция» и «образованный класс» с двумя концентрическими кругами. Интеллигенция – это тесный внутренний круг, а большой круг «образованного класса» – среда непосредственного воздействия интеллигенции. Интеллигенция – это сила своего народа, его уровень культуры. Вот почему, отмечает Милюков, при очень высокой степени психологии, интеллигенция может представлять сравнительно низкий уровень культуры. И, наоборот, с низкой степенью психологии, может сочетаться высокий уровень культуры.

Основное положение Милюкова: специфика интеллигенции объясняется спецификой национальной культуры, поэтому обвинения в адрес части образованного слоя общества, достаточно безосновательны. Беда интеллигенции заключается не в увлечении политикой, а в недостаточной политизации, в поглощении политики стихийной силой. Это, по мнению лидера кадетской партии, проявилось и в позиции авторов «Вех». Стихийный, разрушительный инстинкт народной массы, можно преодолеть не запретами на неуместные духовные искания, а вовлечением ее в политические организации. В противном случае, как считает Милюков, требование предварительного обучения и воспитания массы звучит как насмешка.

Позиция авторов сборника «Вех» – это бунт интеллигенции нового поколения против «старых вождей» русской интеллигенции, это борьба индивидуальности и общности, первенства духовной жизни над другими общественными формами. «Люди, а не учреждения», таков, по мнению лидера кадетов, – идеологический лозунг всех реакций. После торжества демократии и свободы, этот лозунг становится законным. В связи с этим, считает Милюков, самым печальным заблуждением авторов «Вех», является то, что они берут этот лозунг оттуда, где он законен, чтобы перенести его туда, где он может являться только дополнением «орудий реакции».

После Октябрьской революции 1917 года была формально признана прогрессивная роль старой интеллигенции в воспитании и формировании нового «образованного слоя общества». Перед новой интеллигенцией ставилась задача: в ходе культурной революции преодолеть вековую отсталость, ликвидировать безграмотность, повысить творческий потенциал народных масс.

В 1918 году, по инициативе П.Б. Струве, был опубликован сборник статей о русской революции «Из глубины». Первоначально сборник был задержан, но в 1921 году типографские рабочие самовольно решили пустить его в продажу. Авторы сборника – большая часть участников «Вех» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.С. Изгоев, П.Б. Струве, С.П. Франк) совместно с вновь привлеченными авторами (С.А. Аскольдов, Вячеслав Иванов, С.А. Котляровский, В.Н. Муравьев, П.И. Новгородцев, И.А. Покровский) предприняли попытку дать анализ проблемам русской революции и всей русской истории в целом. Авторы сборника видели причину, постигшей Россию катастрофы, в кризисе, который явственно ощущался в последние 10-20 лет и был результатом развития государства в последние 100 лет. Революция 17 года – это победа антихристианских сил над христианской верой, победа язычества, который в свое время был вытеснен из сознания народа, но окончательно не побежден.

Вина интеллигенции, по мнению большинства из участников сборника, заключалась в отрыве от народа, национальных традиций и утрате духовных основ.

Мыслители послеоктябрьского зарубежья, осознавая необходимость анализа отрицательного исторического опыта, выдвинули идею формирования новой интеллигенции – «новой элиты», лишенной негативных качеств старой интеллигентской среды.

Г.П. Федотов, в ряде своих работ, дал развернутый анализ путей развития русской интеллигенции. По его мнению, первые интеллигенты – это первые непривлекательные идейные отщепенцы русской земли. Их характеризует поверхностность и нестойкость к чужой культуре, подчас не понятная моральная «дряблость». Поэтому понятно, подчеркивает Федотов, что интеллигенция — категория непрофессиональная, и это не люди умственного труда. Интеллигенция ощущает себя как некий Орден, с кодексом, нечто вроде средневекового рыцарства, несводимого к военно-феодалному классу, но связанного с ним так же, как интеллигенция связана с группой работников умственного труда.

Основное русло истории русской интеллигенции – от В.Г.Белинского через народников к революционерам начала XX в. По Г.П. Федотову, интеллигенция целый век шла с царем против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825-1881). И, наконец, – с народом против царя (1905-1917). В статье «Трагедия интеллигенции» Г.П. Федотов подчеркивает, что интеллигенция, оторванная от народа, не порвала связи со своим классом и с царем – в этом основа ее деятельности. Бердяев, со своей стороны, определяет место интеллигенции между молотом власти и наковальней народа. Взгляд на интеллигенцию и понимание социальной структуры у этих двух авторов противоположны. Если Бердяев согласен с историческим призванием русского народа, то Федотов полагает, что «лишь через длительное очищение, через суровую аскезу смирения (мессианство — гордыня) лежит путь к «земле обетованной».

Принципиально неоднозначно оценивает русский мыслитель, период становления новой, императорской России. Этот этап, начатый петровскими преобразованиями, является началом противоречий русской жизни и в, конечном итоге, привел к революции. Ориентация высших образованных слоев общества на духовные ценности и нормы Запада, оставались чуждыми для большинства народа, что привело к отходу от интеллигенции народных масс. Отечественная культура, по мнению Федотова, утрачивает в этот период свою целостность.

Федотов указывает, русская интеллигенция «идейна» и «беспочвенна». Он подчеркивает, что эти определения не вымышлены, а взяты из языка жизни: первое, положительное, подслушано у друзей, второе, отрицательное, – у врагов (Страхов). Идейность есть особый вид рационализма, этически окрашенный. В идее сливается правда-истина и правда-справедливость (знаменитое определение Михайловского). Последняя, является теоретически производной, но жизненно, несомненно, первенствующей. К чистому познанию он предъявляет поистине минимальные требования. Чаще всего он берет готовую систему «истин» и на ней строит идеал личного и общественного (политического) поведения. Если идейность замещает религию, то она берет от нее лишь догмат и святость: догмат, понимаемый рационалистически, святость – этически, с изгнанием всех иррациональных мистических или жизненных основ религии. Догмат определяет характер поведения (святости), но сама святость сообщает системе «истин» характер догмата, освящая ее, придавая ей неприкосновенность и неподвижность. Такая система обыкновенно не способна развиваться. Она гибнет насильственно, вытесняемая новой системой догм, и этой гибели идей обыкновенно соответствует не метафорическая, а буквальная гибель целого поколения.

«Беспочвенность» вытекает уже понимания идейности. Беспочвенность есть отрыв: от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех социальных и духовных образований. Конечно, отрыв этот может быть лишь более или менее полным. В пределе отрыв, как считает Федотов, приводит к нигилизму, уже не совместимому ни с какой идейностью. В нигилизме отрыв становится срывом, который грозит каждому поколению русской интеллигенции. Срыв отчаяния, безверия от невыносимой тяжести взятого на себя бремени: когда идея, висящая в воздухе, уже не поддерживает падающего.

В то же время, Федотов верит в возрождение национальной культуры и немаловажную роль в этом процессе он отводит интеллигенции. Но для этого ей необходимо отказаться от утопических планов и социальных фантазий. История не может устранить той преемственности, которая существует между старой и новой культурой. Задача интеллигенции состоит в том, чтобы возродить старые традиции и внести в них новые черты, той христианской культуры, которая, по мнению русского мыслителя, всегда лежала в основе национального и мирового духовного творчества.

И.А. Ильин, еще, более критически, относится к роли интеллигенции в событиях революционного периода. Он призывал интеллигенцию отказаться от старых путей развития, которые, по его мнению, ведут к духовной пропасти. Без религиозного и духовного самоуглубления ей не найти верной дороги. Русский мыслитель, оценивая послеоктябрьский период, указывал, что русская интеллигенция или задавлена, или подавлена в стране, или выслана из России, или погублена революцией. Но в то же время он призывал каждого найти свою собственную вину в произошедших событиях, именно тогда, можно говорить об обновлении. Беда интеллигенции, по мнению Ильина заключается в том, что интеллигенция неверно поняла свое предназначение и свою задачу в общественной жизни страны и поэтому не нашла

своего места. Политическая интеллигенция не только не способствовала развитию отечественной государственности, но и прилагала все свои усилия для ее разложения. Поэтому масса простого народа пошла не за русской интеллигенцией, а за международной полуинтеллигенцией; не спасала национальную культуру, а губила ее.

Задача интеллигенции, подчеркивает Ильин, состоит в том, чтобы вести свой народ к национальной идее и к государственной цели. Образованный слой, не способный к этому, всегда будет, исторически приговорен и свергнут. Вина не должна лежать на народе, если в его среде «вскипают ложные идеи и страсти», то направить, облагородить их, призван национальный образованный слой. Интеллигенция, считает русский философ, не справилась со своей задачей. Она была беспочвенна и лишена государственного смысла и воли. Эта беспочвенность, как указывает русский мыслитель, была одновременно и социальной и духовной. Интеллигенция не имела корней в народной массе; ей нечего было сказать своему народу. Более того, в своей основной массе, русская интеллигенция была религиозно мертва и национально-патриотически холодна. Она перестала верить в национальное возрождение, в духовную самобытность и, поэтому утратила священный смысл своей родины, и, тем самым, в корне извратила свое правосознание. Перед революцией, отмечал Ильин, не было интеллигенции, способной к волевому воспитанию народных масс. То, что говорила интеллигенция народу, будило в нем не совесть, а бессовестность; не патриотизм, а дух раздора. Интеллигенция, тем самым, делает вывод Ильин, не просто отделилась от народа, но и сознательно противопоставила себя ему. Она перестала чувствовать его своим народом, а себя его интеллигенцией.

Библиографический список

1. Лавров П.Н. Избранные произведения / П.Н.Лавров. — М.: Мысль, 1989. — 430 с.
2. Вехи. Из глубины: сб. статей / П.Б. Струве [и др.]. — М.: Правда, 1990. — 606 с.

Поступила в редакцию 27.06.2008 г.